

ЛЮТТОЛИ «ШУТ С РОДОСЛОВНОЙ»

Совсем немного от автора. Забудьте!

*Роман «Шут с
родословной»
входит в сборник
исторических и
любовных
романов!*

Люттоли «Шут с родословной»

Глава 1

Испания. Вальядолид. Апрель 1603 год. Резиденция короля Испании Филиппа III.

Около полуночи 14 апреля 1603 года, в одном из коридоров королевского дворца появился мужчина лет пятидесяти или чуть больше. Это был человек среднего роста, среднего сложения с очень жёстким взглядом. При этом черты лица отражали определённое благородство, в особенности в сочетании с серебристыми усиками и короткой острой бородкой. В целом, он производил впечатление уверенного в себе человека, но не испанского гранда, коим он и являлся на самом деле. Облачение этого человека едва ли отличалась от одеяния, которое, в большинстве своём, носили все прочие дворяне Испании. А состояло оно из остроносых бархатных туфель без каблука, белого кальсеса или обтянутых вокруг ног штанов-чулков, коротких, но широких штанов со складками, которые обычно надеваются поверх кальсеса и костюм – хубон, больше напоминающий доспехи, нежели изысканное одеяние вельможи коим он и являлся на самом деле. Гофрированный белоснежный воротник, плотно облегающий шею и плащ «бозмио» накинутый и прикреплённый только к одному правому плечу, довершали наряд вельможи. Стоит ещё отметить шпагу, прикреплённую к поясу с левой стороны и кинжал, висящий на цепочке с правой стороны. И особо следует отметить массивную золотую цепь облегающую воротник.

Несмотря на весьма скромное одеяние, этот человек олицетворял собой само могущество. Он был не менее могущественен, чем сам король, хотя и звался герцог Лерма. С лёгкой руки короля Испании, герцог Лерма понемногу прибрал к рукам всё, что только приносило или даже могло принести доход. И особенное внимание уделялось поставкам серебра из колоний, которые едва ли на треть наполняли королевскую казну. Пользуясь королевскими благами, он не забывал скупать земли, дома, крепости, а порой и целые города в счёт своих будущих наследников.

Как ни странно, но собственное обогащение ничуть не мешало удовлетворять любые прихоти короля Испании. А что же король? Король был счастлив избавиться от тяжкой ноши именуемой «заботой о королевстве» и переложить её на плечи герцога Лермы.

Но вернёмся к герцогу Лерме. Причиной столь позднего появления во дворце стало послание его величества. Король желал срочно переговорить с ним по очень важному делу. Такого рода просьбы случались не часто, оттого герцог Лерма немного волновался. Сразу пришла мысль о недругах. И первым среди его недругов по праву считались Энрикесы. Они никак не

могли смириться с его близостью к королю и всячески пытались их рассорить.

Герцог Лерма хотел сразу же войти в опочивальню к королю, но стражники, охранявшие вход, преградили ему путь. Обычно это происходило только в двух случаях: когда у короля находилась королева Испании Маргарита Австрийская, или капеллан короля, Педро Хирон. Герцог Лерма молча отступил назад и подумал о том, что если из двери выйдет один из них, тогда всё хорошо. Но если появится кто-то другой, значит...он в опале.

Ждать пришлось совсем недолго. Дверь открылась, пропуская немолодого мужчину в монашеской рясе. Герцог Лерма столь радостно приветствовал королевского капеллана, что тот на мгновение даже растерялся. Никогда прежде всемогущий Лерма не показывал столь явно своего расположения. Перекрестив герцога, капеллан неторопливо засеменил по коридору. А герцог Лерма выждав немного, устремился в покои короля.

Король сидел в кресле у камина, укутавшись в мантию, и грел свои ноги у огня. Королю только исполнилось двадцать пять лет. Он обладал светлым лицом с мягкими, почти детскими чертами. Ему приходилось часто хмуриться, дабы придать ему серьёзное выражение.

Герцог Лерма встали слева от короля и низко поклонился. Он разгребался до той самой поры, пока не раздался приветливый голос его величества: – Сеньор! А вот и вы! Надеюсь, вы простите своего друга за столь позднее приглашение?

– Я с глубочайшим почтением поблагодарю моего короля за приглашение в любое время! – герцог Лерма выпрямился и слегка наклонил голову.

– Прошу вас, сеньор! – король указал на кресло справа от себя.

– Ваше величество, я не смею..

– Будьте послушны своему королю, сеньор! – король снова указал на кресло.

Герцог Лерма поклонился и только потом занял указанное кресло. В тот же миг раздался задумчивый голос короля Испании:

– Я пригласил вас сеньор, намереваясь обсудить весьма важный вопрос, касающийся моего младшего брата принца Астурийского. Дон Диего давно достиг брачного возраста, ему исполнился двадцать один год, но всё ещё не обзавёлся семьёй. Я подумываю женить дону Диего, но никак не могу сделать выбор относительно будущей принцессы Астурийской. Моя уважаемая супруга предлагает в качестве таковой свю кузину Анну. Есть и иные предложения от королевских домов Европы. Что вы думаете по этому поводу?

Герцог Лерма с огромной внимательностью выслушал короля. Слушая короля, он осознал, что мечта существовавшая только в его воображение вполне может осуществиться именно сейчас. Смелее, – подбодрил себя герцог Лерма.

– Я выскажусь со всей откровенностью, ваше величество!

– Иного я от вас и не жду, сеньор!

– Ваше величество, а почему бы не женить дону Диего в Испании?

Король одобрительно кивнул.

– Такой брак укрепил бы нашу власть внутри империи. Мне об этом уже говорили. И я склонен согласиться с таким подходом. Более того, в качестве невесты для моего брата предлагали Беатрис Энрикес. Ваше мнение, сеньор? Не кажется ли вам такой брак...неравным?

Энрикесы?! – одна мысль о том, что его недруги породнятся с королём, была невыносимой герцогу Лерму. Кроме всего прочего, такое родство могло стать началом его собственного конца.

– Сто тысяч золотых дукатов!

– О чём вы, сеньор? – не понял король.

Люттоли «Шут с родословной»

- Если Энрикесы готовы дать за своей дочерью сто тысяч дукатов, тогда можно и согласиться, ваше величество!

- Вы преувеличиваете, сеньор! Такую сумму никто не даст в качестве приданного.

- Я бы дал, ваше величество, если б моей дочери Беатрис оказали столь высокую честь.

- Вот как?! - приятно удивился король. - Вы действительно готовы дать такое огромное приданное за своей дочерью?

- Без раздумий, ваше величество!

- Энрикесы неспособны на подобное великодушие. Но всё же, мне следует поговорить с ними.

- И ещё тысячу всадников в придачу со всем вооружением. Но и это ещё не всё, ваше величество. Я бы передал в подарок принцу Астурийского часть моих владений.

- Я услышал вас сеньор! Ждите моего ответа!

Герцог Лерма встал, низко поклонился и вышел из опочивальни короля. В тот же миг, боковая дверь отворилась и в комнату впорхнула светлоликая особа лет восемнадцати с распущенными волосами. Она была облачена в ночную рубашку и держала в руках подсвечник с двумя горящими свечами. Это была никто иная, как юная королева Испании Маргарита Австрийская. Король встал с кресла и начал аплодировать королеве. Не выпуская из рук подсвечник, королева несколько раз грациозно поклонилась.

- Я рад, что прислушался к твоему совету и не стал сразу предлагать брак герцогу Лерме, - улыбаясь, сказал король, - ко всему прочему, мы не только разбогатеем, но и на славу повеселимся. Он ведь терпеть не может Энрикесов. Впрочем, они едва ли от него в восторге.

- Вот именно! - королева весело рассмеялась. - Я не сомневалась, что наш уважаемый герцог не станет терпеть превосходство Энрикесов. Я только степень его ненависти к Энрикесам недооценила, поэтому и предположила сумму в двадцать пять тысяч. Но сто тысяч...ему придётся расстаться с частью своего имущества.

-Что, дальше? - весело поинтересовался король.

- Надо известить почтенного адмирала Кастилии о твоей беседе с герцогом Лермы. А уж он как глава Энрикесов решит, как следует поступать, - столь же весело ответила королева. - Пусть разбираются между собой, а мы выберем самого достойного.

- Мне нравится! - король засмеялся. - Я в нетерпении жду схватки между ними. И более всего это касается двух Беатрис. Обе красавицы и обе обладают вспыльчивым нравом. Наверняка, они не останутся вне спора о своём будущем браке.

- Так вот что тебя волнует? - с притворной сердитостью бросила королева. - Придворные красавицы?

- Я бы хотел посмотреть на них в присутствии Диего, - король расхохотался. Королева тоже засмеялась. Но правда сразу же стала серьезней.

- Следует поговорить с Диего, прежде чем принимать решение о браке. Он ведь может и отказаться.

- Диего?! - насмешливо переспросил король и продолжал с той же насмешливостью. - Только не Диего, моя дорогая. В то время, пока мы с вами заговоры устраиваем, Диего находится в Сантьяго-Де- Компостелла и молиться за всех нас. Он послушен и благочестив. К тому же боится меня.

Далее разговор перешёл на детали. Королевская чета решала, каким способом известит Энрикесов о будущем браке принца Диего с дочерью герцога Лермы и тем самым даст начало новому противостоянию между двумя родами. Кроме всего прочего, было решено, что король поддержит герцога Лерму, а королева станет на сторону Энрикесов. Такой расклад

сил мог значительно усилить противостояние и в итоге принести значительную пользу.

Что же до самого невольного виновника всех этих событий...принц Астурийский действительно находился в Сантьяго-де-Компостелла. И он действительно молился.

Глава 2

Испания. Сантьяго-де-Компостела. Собор святого Иакова. Июнь 1603 года.

Восемь монахов ухватившись за верёвки, приводили в движение огромное кадило. Кадило, медленно раскачиваясь, поднималось всё выше и выше, к нефам собора святого Иакова.

Церковное песнопение, словно взлетало ввысь. Чем выше поднималось кадило, тем сильнее звучали голоса.

Полуденная месса собрала в соборе множество верующих. «Конфитеор» служил Максимилианно-де-Австрия, епископ Галисии, епископ Еговии и Кадиса. Епископ стоял обращённый лицом к позолоченному престолу изображающего гору преображения. В центре престола, на троне восседала скульптура святого Иакова. Именно на скульптуру святого и был обращён взгляд епископа.

Слева от епископа стоял минстрант облачённый в кожу. В его обязанности входило прислуживать епископу во время мессы. Это был смуглый юноша приблизительно двадцати лет с ангельским лицом и очень выразительными зелёными глазами. В его глазах то и дело вспыхивали весёлые искорки, которые тут же сменялись отчётливым раскаянием. Раскаянный взгляд оставался ровно до того времени, пока на смену ему не приходило...озорство. Не успев промелькнуть, озорство уходило, уступая место благоговейности. Но и благоговейность оставалась совсем недолго. Глаза лукаво щурились, превращаясь в два искрящихся огонька, совершенно неуместные в столь торжественный час.

Епископ Максимилианно то и дело с беспокойством поглядывал в сторону минстранта. Его не оставляло чувство приближающегося скандала. Он успел трижды пожалеть о своём решении.

«Никогда более не позволю ему прислуживать во время мессы. Он меня наверняка опозорит», – твёрдо решил епископ и в очередной раз украдкой бросил взгляд в сторону мистранта. Тот выглядел весьма...благочестиво. Епископ только успокоился, как с ужасом различил его шёпот:

– Святая инквизиция! Это не так весело как кажется со стороны. И поют скверно, и кадило испускает мерзкую вонь. Надо бы внести немного...разнообразия.

Епископ бросил на минстранта умоляющий взгляд. Минстрант в ответ неопределённо покачал головой. В этот миг, епископ всей душой пожелал, чтобы кадило не опускалось никогда. Но кадило опустилось и песнопение прекратилось. Следовало начинать мессу. Помолившись Спасителю и бросив ещё один умоляющий взгляд в сторону Минстранта, епископ Максимилианно приступил к выполнению своих духовных обязанностей. В соборе начали раздаваться слова молитвы:

– Исповедую Богу всемогущему, блаженной присно деве Марии, блаженному Михаилу Архангелу, блаженному Иоанну Крестителю, святым Апостолам Петру и Павлу, всем святым, и вам, братья, и тебе отче, что я согрешил много мыслью, словом и делом. Моя вина, моя вина, моя величайшая вина. Поэтому прошу блаженную присно деву Марию, блаженного Михаила Архангела, блаженного Иоанна Крестителя, святых Апостолов Петра и Павла, всех святых и вас братья, молитесь за меня Господу Богу нашему! – Да помилует тебя всемогущий Бог, и простив грехи твои, приведет тебя к жизни вечной. Аминь! – с благоговейностью произнёс минстрант к величайшему облегчению епископа.

Следом, минстрант повторил молитву конфитеор и на словах: «Моя вина, моя вина, моя величайшая вина», как и положено, трижды ударил себя в грудь.

Чуть позже он преподнёс епископу Максимилианно чашу с водой и следовал за ним, когда тот брызгал водой на верующих и отпускал им грехи.

Епископ действовал так быстро, как только мог. Едва месса завершилась, он со всей скоростью поспешил в одну из внутренних помещений собора, которая служила комнатой для переодевания. Верующие приняли поспешный уход епископа за признак недомогания и вполголоса выражали ему сочувствие.

Сам же епископ сразу переоделся в привычное епископское одеяние и готовился покинуть Собор, когда появился тот самый минстрант, который не давал ему покоя во время мессы. Явился, с чашей святой воды в руках.

– Дьявол! Я едва не задохнулся от вони. Что за мерзость вы добавляете в кадило? – с удивлением спросил он.

– Ты в храме божием! – епископ обвёл руками вокруг себя.

Минстрант зачерпнул в ладонь святой воды из чаши и побрызгал на свою голову. Заметив осуждающий взгляд епископа, он с притворным удивлением спросил:

– А разве вы не таким способом отпускаете грехи? Может, желаете сами на меня побрызгать святой воды? Я не стану возражать!

– С меня на сегодня довольно, Диего! – епископ забрал святую воду из рук...принца Астурийского и поставил её на стол.

Роль минстранта выполнял не кто иной, как младший брат короля Испании, принц Астурийский. Выполнял по собственному желанию и вопреки воле епископа Максимилианно, которому, в отличие от многих других, включая и его величества, был хорошо известен нрав принца или как его все называли «дон Диего».

– Я могу взять с собой немного...этой чудесной воды?

– Диего! Не смей насмехаться над церковью! – предостерёг епископ Максимилианно. – И не изображай невинность. Я прекрасно понял, зачем тебе нужна святая вода. Но она не поможет избавить тебя от будущих грехов. Тебе уже ищет инквизиция. Если они узнают, кто скрывается под маской «горбуна Сурдо» – разразится страшный скандал. Твой брат король весьма набожен и не оставит подобные поступки без наказания.

– Так я могу взять с собой немного святой воды?

Епископ всплеснул руками и с негодованием поинтересовался:

– Зачем тебе святая вода?

– Пришлась по душе роль епископа. Проведу мессу. Отпущу грехи. Сделаю тоже, что вы делаете каждый день. Это же богоугодное дело? – осторожно спросил Диего.

– Богоугодное дело? Такой поступок будет расценен как издевательство над церковью, поскольку ты не являешься духовным лицом. И ты прекрасно это понимаешь, – теряя терпение, закричал епископ Максимилианно. – Не смей, Диего! Не смей этого делать!

– Пусть святой Иаков простит ваш гнев! – с самым прискорбным видом ответил Диего и, прихватив чашу со святой водой, исчез.
– Чёрт бы тебя побрал, Диего, – закричал ему вслед епископ Максимилианно. Он тут же опустился на колени и перекрестившись, попросил прощения у Господа за свои слова. Но злость на Диего не проходила. Он не сомневался в том, что тот выполнит своё намерение. Оставалось догадываться, лишь, где он это сделает и какую форму примет эта самая «месса».

Глава 3

Глухой горбун

– Спаси и защити святой Иаков!

Эти слова повторялись в точности, но каждый раз звучали на разный лад. Иногда с брезгливостью, иногда с отвращением, порой со страхом, но чаще всего с откровенным ужасом. Принадлежали слова паломникам, которые непрерывной массой направлялись в сторону собора святого Иакова, третьей по величине святыне христианского мира. А единственную причину этих слов олицетворял ужасный горбун.

Только один горб чего стоил. Бесформенная масса за спиной возвышалась выше головы. Волосы на лохматой шевелюре, которую, судя по всему, никогда не мыли и не стригли, торчали во все стороны. Голова была наклонена и выдвинута вперёд. Густые чёрные брови свисали вниз, закрывая глаза. Изрезанные глубокими морщинами щёки были неестественно белого цвета и свисали вместе с квадратным подбородком до самой гортани. Нормальным оставался только нос. И, тем не менее, он являл едва ли не самую уродливую часть лица. Это происходило по причине движения щёк. При ходьбе щёки колыхались и накрывали нос. Поэтому нос то исчезал с лица, то появлялся снова.

Одежда горбуна так же стояла отдельного упоминания. Она, по сути, состояла из трёх предметов: остроносых туфель из буйволиной кожи перетянутой возле щиколоток шёлковыми нитями с подвешенными на них маленькими колокольчиками, которые звенели всякий раз при ходьбе, широченных чёрных штанов с ниспадающими почти до туфель складками и куртки перепоясанной верёвкой. Куртка представляла собой некую геральдическую галерею из ярких лоскутов, сшитых меж собой. Едва ли на каждом лоскутке был изображён герб одного из знаменитых дворянских родов Испании.

Ну и несколько слов о спутнике горбуна. Это был самый настоящий...осёл. Осёдланный осёл. На спине осла красовалось седло лошади со свисающими едва ли не до самой земли, шпорами. А к седлу был приторочен мешочек, содержимое которого было скрыто от глаз. Осёл, словно тень, следовал по пятам за горбуном.

Широко раскинув руки и размахивая ими в обе стороны, горбун быстро двигался в сторону противоположную от собора и движения паломников. Все от него шарахались в сторону, что ничуть не смущало самого горбуна. Он не только не злился, но и строил весёлые гримасы, от которых одна почтенная матрона едва не упала в обморок.

Приметив родник, возле которого столпились паломники, горбун направился туда. Паломники поспешно отошли в сторону и окидывали его взглядами полными ужаса. Не обращая ни малейшего внимания на окружающих, горбун медленно подставил рот под тонкую струйку воды и столь же медленно начал пить. В то время пока он пил воду, до его

слуха донёлся разговор на французском языке. Кто-то рассказывал о некой Беатрис Байон из Наварры. И при этом несколько раз употребил слова «старая ведьма».

– Эта Беатрис Байон составила бы мне чудесную пару, – весело подумал горбун. Или Диего?! А ведь именно он выступил в образе горбуна. Он часто переодевался в горбуна дабы иметь возможность говорить всё, что только вздумается. И почти всегда совершал эти превращения для собственного развлечения. Жители Сантьяго-де-Компостела так и не узнали принца Астурийского, но горбун Сурдо был известен, и любим многими. Любим – за свои острые шуточки в адрес церкви и высшего сословия.

Напившись воды, он завернул в ближайшую арку и вскоре вместе с ослом исчез из виду, к величайшему облегчению паломников. Но это всего лишь был небольшой манёвр. Горбун Сурдо собирался провести «мессу» на площади перед собором святого Иакова, так как справедливо считал это место самым многолюдным в городе. Исходя из этих соображений, он сделал небольшой крюк, то бишь обогнул Собор с Запада на Восток и появился в сопровождении осла на маленькой улочке выходящей прямоком к площади. Оставалось пройти каких-то двадцать шагов до площади, когда он остановился. Сзади в горб уткнулась морда осла, но он не придал значения этому маленькому происшествию. Горбун Сурдо неспроста остановился. Его насторожила карета запряжённая четвёркой лошадей с занавешенными окнами. Она стояла как раз посередине между ним и выходом на площадь. На дверце кареты был изображён герб Энрикесов, грандов Испании. Род Энрикесов возглавлял адмирал Кастилии, герцог Медина-дель-Риосеко. Присутствие Энрикесов в Сантьяго-де-Компостелла, выглядело, по меньшей мере, странно. Если только они не явились по его душу. Не успел он об этом думать, как различил женский голос и слова «Дон Диего». Ему очень хотелось услышать, о чём говорят в карете, но идти вперёд он не решился из-за колокольчиков, привязанных к обуви. Они звенели и могли привлечь внимание. Посему ему пришлось напрячь слух. И не напрасно. Разговор действительно шёл о нём:

– Её величество королева намекнула на возможность брака с принцем Астурийским, – донёлся до него приглушённый женский голос. – Она так же обещала содействовать всеми силами для заключения этого брака. Ещё немного терпения, Беатрис и ты станешь супругой дона Диего.

– Дорогая матушка, – раздался второй женский голос, – я денно и ночью молюсь за успешное завершение миссии моего дорогого отца. Для меня нет счастья большего, нежели стать супругой Дону Диего. Но меня тревожит Беатрис, дочь герцога Лермы. Она знает о моей любви к дону Диего и оттого безо всякого стыда заявила о своих намерениях прямоком мне в лицо.

– И что же она сказала?

– Беатрис Лерма долго восхваляла достоинства дона Диего. И особенно отмечала набожность и удивительную красоту присущую всем представителям королевской семьи. И здесь я согласна с ней во всём. И даже больше. Красоту дона Диего создали сами ангелы, и они наделили его той удивительной набожностью, которая известна всей Испании. Он учтив, скромен и во всём покорен воле брата, его величества короля Испании. Именно на покорность его величеству и намекала Беатрис Лерма. Её отец, герцог Лерма состоит в лучших отношениях с его величеством. Именно это обстоятельство по её словам и позволит ей стать принцессой Астурийской.

– Мерзавка! Вся в отца!

– Но они вполне способны опередить нас!

– Оттого мы и приехали сюда. Мы со всем почтением навестим дона Диего и словно невзначай оставим вас наедине. Постарайся понравиться ему. А

ещё лучше, если сумеешь влюбить в себя. Король любит брата и не станет противиться его просьбе, в случае если он решит выбрать тебя.

Горбун Сурдо тем временем раздумывал над тем, как можно использовать соперничество двух семей и пришёл к выводу, что как бы не сложилась дальнейшая судьба двух Беатрис, он получит массу удовольствия. В превосходном расположении духа он двинулся вперёд, выкрикивая одни и те же слова:

– Не позволяйте вашим соперницам взять вверх и будете вознаграждены счастливым браком!

Горбун Сурдо краем глаза заметил, как в окне кареты появилось весьма привлекательное лицо молодой особы. Поверх этого лица возникло другое, не столь молодое и не столь привлекательное. Мгновением позже его окликнули. Но по понятным причинам он ответить не мог. Ведь все считали его глухим.

Горбун Сурдо вывел осла в центр площади. Краем глаза он следил за двумя женщинами в плащах, которые вышли из кареты и последовали за ним. Они остановились на расстоянии десяти шагов и стали исподтишка наблюдать за ним.

– Горбун Сурдо! Горбун Сурдо! – раздались радостные возгласы на площади. Люди в одиночку и мелкими группами двинулись к нему. Следом за ними направились и паломники, которых находилось на площади великое множество. Направились, из чистого любопытства.

Горбун Сурдо же ни на кого не обращал внимания, за исключением осла. Он развязал горлышка мешка притороченного к седлу и выудил оттуда чашу. Вслед за чашей появилась бутылка с водой. Он откупорил бутылку и перелил из неё воду в чашу, а потом снова закупорил и засунул обратно в мешок. Держа чашу в руках, с самым торжественным видом, он начал наворачивать круги вокруг осла. По площади разнёсся громкий голос полный праведного негодования и обращён он был...к ослу:

– Ты ешь овёс, испражняешься на дорогах и занимаешься богопротивными делами с соседской ослицей. Признай свою вину и покайся в грехах. Под хохот толпы, горбун Сурдо начал брызгать на осла святой водой. Осёл начал крутить головой, словно пытался выразить покаяние.

– Не стыдись своих поступков – стыдись избегать покаяния за них! – приговаривал горбун Сурдо продолжать брызгать на осла святой водой. – Наша церковь всё прощает, если только вовремя вносишь плату в церковную казну.

Осёл задрал голову и оскалился. Тут же раздался назидательный голос: – Признай свою вину молча и не пытайся роптать, иначе не видать тебе длинных ушей и хвоста. Благо у нас всегда найдется, кому о них позаботиться.

Смех на площади становился всё громче, поскольку всем стал понятен намёк на святую инквизицию. Из Собора в сопровождение монахов выбежал епископ Максимилианно. Заметив горбуна, он со всех ног понёсся в его сторону. Горбун Сурдо заметил епископа, но сделал вид, будто всецело занят ослом.

– Немедленно покинь это святое место, – закричал, подбегая епископ Максимилианно. – Бери осла и уходи отсюда!

– Грешник!

Епископ Максимилианно остановился как вкопанный. Он не мог поверить, что ему сказали это в лицо. На самом деле горбун Сурдо сказал это слово, имея в виду осла. Горбун Сурдо погладил осла по голове и снова повторил:

– Грешник! Понимаешь ли ты значение греха? К примеру, такой отвратительный грех как похоть. Ты подвергаешься этому греху, когда подкрадываешься к ослице как вор. А ведь тебе следовало поступить, как и любому добропорядочному...ослу и сначала обратиться за разрешением к

хозяину ослицы. А уж потом просить владельца хозяина ослицы. А уж потом к сеньору того самого владельца хозяина ослицы. И уж после того, ты можешь обратиться к герцогу Лерме. Если герцог милостиво соизволит согласиться, ты вполне можешь приударить за своей возлюбленной.

– Ты сравниваешь осла...с нами? – под неутихающий смех толпы, спросил донельзя раздосадованный епископ Максимилианно. Он желал немедленно прекратить этот спектакль, но не знал, как это можно сделать. Посему он не нашёл ничего лучшего как схватить осла за уздцы и увести. Но осёл воспротивился силе. Ещё двое монахов, бросились на помощь епископу. Под хохот толпы, все трое пытались увести осла, но тот упирался и никак не хотел идти.

– Мой друг не уйдёт, пока ему не отпустят грехи! – громко заявил горбун Сурдо и, кивая в сторону епископа Максимилианно, который изо всех сил упирался сандалиями в каменную плиту и тянул за уздцы, заметил. – Я и вам могу отпустить грехи, ибо вы становитесь грешниками, лишая несчастного осла надежды на тихое семейное счастье.

– И переходя от слов к делу, он приподнял чашу с водой со словами. – Избавьтесь от гордыни отвергающей ближнего как равного вам. Избавьтесь и покайтесь, перед лицом святого Иакова!

Пользуясь тем, что руки епископа были заняты, горбун Сурдо побрызгал на него святой водой. А потом побрызгал святой водой и на двух монахов.

– Богохульник! – вскричал епископ, выпуская из рук уздечку. Осёл неожиданно рванулся вперёд, сбил обоих монахов с ног и понёсся по площади.

– Мой друг принял ваше преосвященство за инквизитора! – кивая вслед ослу, заметил епископу горбун Сурдо. – Он слаб духом и не выносит пыток.

– Ты немедленно пойдёшь со мной! – для пущей наглядности, епископ показал рукой, что должен сделать Диего. Тот даже не сдвинулся с места.

– Я должен дождаться моего несчастного друга, – во весь голос возвестил горбун Сурдо. – Мне надлежит вернуть его в лоно церкви, хотя он и был жестоко изгнан её слугами. Кстати, что там слышно про свадьбу принца Астурийского с дочерью герцога Лерма? Они уже обвенчались? Епископ Максимилианно схватил его за руку и потащил за собой в Собор. Горбун Сурдо даже не думал сопротивляться. Его слова услышали те, кому они и были предназначены. Обе женщины покинули площадь, прежде чем он оказался под сводами Собора.

Следующие четверть часа, он со всем смирением слушал проповедь епископа касающиеся недопустимости проведения любого рода церковных обрядов. И более всего это касалось ослов и прочих животных. И уже в самом конце речь пошла о недопустимости нарушения тайны исповеди. Размышления епископа в последней части показались несколько странными, поскольку осёл так или иначе не обладал талантом покаяния, а сам Диего мог говорить о себе, всё что вздумается. И это никак не могло считаться нарушением тайны исповеди. Однако, вслух, он не стал ничего говорить. Горбун Сурдо, согласно заведённой традиции разговора с епископом, ни с чем не соглашался, но и не возражал. Выговорившись и облегчив душу, епископ Максимилианно отпустил его, но с условием, что тот больше не будет подменять собой священнослужителей. Горбун Сурдо снова ничего не ответил, и почтенному епископу оставалось лишь догадываться, что именно замышляет его подопечный. Как правило, за молчанием следовала очередная выходка.

– Что делать, ума не приложу, – в смятение пробормотал епископ Максимилианно, – если его величеству станет известно о проделках

принца, ...он будет разгневан и накажет всех, включая меня. Да избавит нас Господь и святой Иаков от королевского гнева!

Глава 4

Дон Диего

Спустя час, горбун Сурдо уже подходил к развалинам некогда грозного замка на южной окраине города. Здесь легче всего было спрятаться от людских глаз. Никого поблизости не наблюдалось. Оттого и безо всякой опаски, он стал выскивать взглядом знакомую фигуру слуги. Но того словно и след простыл.

– Пемон! – возвал горбун Сурдо во весь голос. – Где ты, чёрт бы тебя побрал?

– Я здесь, ваше высочество. Здесь! – раздался голос. А вслед за ним из-за развалин, на отдалении не более пятнадцати шагов от места, где стоял горбун Сурдо, появилась длинная тень.

Пемон, был не кто иной, как личный и полностью преданный слуга его высочества принца Астурийского. Он участвовал во всём, что делал или собирался сделать его высокородный хозяин. Пемону исполнилось тридцать лет. Он был четвёртым сыном обедневшего дворянского рода из Андалусии. Пемон несомненно обладал массой достоинств, но внешность не входила в их число. Он обладал высоким ростом, был худощав. Лицо длинное и вытянутое. При взгляде на лицо создавалось впечатление, что скулы живут своей отдельной жизнью. Они постоянно двигались, даже если рот был наглухо закрыт. Тем самым порождая печальные гримасы. В сочетании с маленькими глазами и опущенными бровями, это наводило на мысль о неких страданиях, которые Пемон тщательно ото всех скрывает.

– Что это? – осведомился горбун Сурдо, гневно разглядывая холщёвую рубашку и сандалии, которые протягивал ему Пемон. – А где моя одежда? Где моя шпага? И где моя лошадь?

Пемон многозначительно приподнял брови.

– Что?

– Тридцать три дня раскаяния, ваше высочество. Вам нельзя носить ничего за исключением этой одежды!

– Святая инквизиция! А я и забыл...сколько прошло?

– Четыре дня!

– Ты уверен?

– Вполне, ваше высочество!

– А кроме тебя...кто-то ещё считает мои покаянные дни?

– Их все считают, ваше высочество!

– Небось, свои дни не так тщательно отсчитывают. Ладно уж, потерпим. Они вместе углубились в развалины и здесь началось превращение горбуна Сурдо в дон Диего, принца Астурийского.

Сначала, и с помощью Пемона, на землю полетела геральдическая куртка вместе с горбом. За ней шевелюра с бровями. А вот с щёками пришлось основательно повозиться. Они никак не желали отлипнуть от лица.

– Почему они не отходят? – раздался среди развалин раздражённый голос.

– Ваше высочество жаловалось, что щёки едва держаться на лице, оттого пришлось использовать новый состав.

– Да, но теперь они всё время сползают к шее, и мне приходится их подтягивать.

– Излишки воды в муке. Оттого они и тянутся вниз.

– Наливай меньше воды!

- Они могут начать трескаться или заворачиваться.
 - Они и заворачиваются. Да так, что мне порой дышать тяжело.
 - Я сегодня схожу к лекарю мавру и попрошу сделать новый состав. Общими усилиями удалось отодрать щёки от лица. Правда, при этом, накладные щёки стали ровно в два раза длиннее.
- Одевание рубашки и сандалий заняло совсем немного времени. Пемон запихал в мешок все атрибуты горбуна и сразу же с ним исчез. А вместо горбуна Сурдо появился дон Диего или Диего, как мы будем называть его в дальнейшем. Одетый в грубую рубашку и сандалии, он даже не напоминал, а олицетворял собой раскаяние. В особенности, когда нежные черты лица затуманивал страдальческий взгляд. Пемон вернулся назад ведя в поводу весьма невзрачную на вид лошадь. К седлу был приторочен тот самый мешок с одеянием горбуна. Один взгляд на лошадь и Диего отрицательно покачал головой.
- Я не сяду на эту болезненную клячу! Она подойдет по дороге!
 - Она для меня. Вашему высочеству следует идти пешком!
 - Ты меня давно раздражаешь, Пемон!
 - Ваше высочество сами просили относиться к себе со всей строгостью.
 - И ты что, всегда выполняешь мои просьбы?
 - Всегда!
 - В таком случае, найди мне нормальную лошадь.
 - Вашему высочеству лучше идти с опущенной головой, - посоветовал Пемон, взбираясь в седло и оставляя без внимания последнюю просьбу Диего.
 - Для чего? Ах, да...я ведь раскаиваться приехал. Кто вообще придумал тридцать три дня покаяния? По мне так и трёх дней вполне достаточно. И о чём можно каяться столько дней? Разве что грешить ровно столько же времени? Хотя герцогу Лерме может и не хватить этого срока для замаливания грехов, - бормотал Диего, выбираясь из развалин на дорогу. Пемон пустил лошадь шагом, вслед за Диего. Так он и пошли по дороге. Впереди шёл с опущенной головой Диего, а вслед за ним, на лошади с важным видом двигался Пемон.
- Дом, купленный его величеством для Диего, находился недалеко от площади святого Иакова, на одной из неприметных улочек сплошь и рядом пронзающих Сантьяго-де Компостелла с Севера на Юг и с Запада на Восток. Это был небольшой одноэтажный дом в четыре комнаты с крошечным садом и уютным внутренним двориком. Дом вполне соответствовал духу аскетизма, который приписывали Диего в связи с глубокой набожностью. И это ровно наполовину соответствовало истине. В действительности, Диего не страдал набожностью, но и роскошь не любил. Ему больше нравилось проводить время на лугах, полях или даже в лесах. Он мог преспокойно остаться на ночь даже в самом глухом месте и предпочёл бы его - отдыху в королевских покоях.
- Диего пожалел, что не остался в старых развалинах едва увидел у дома карету с гербом Энрикесов. Устремив хмурый взгляд в сторону кареты, он забормотал:
- Святая инквизиция! А они времени зря не теряют. Видно решили всерьёз за меня взяться. Только я вам не по зубам, сеньоры. Мне не нравятся Энрикесы, и более всего этого касается Беатрис. Но вы, уважаемые Энрикесы, можете быть спокойны в отношении Герцога Лерма и его дражайшей дочери. Я скорее отправлюсь в монастырь, чем соглашусь породниться с ними.
- Размышляя подобным образом, Диего вступил во двор. Беатрис Энрикес с матерью, герцогиней Медина-дель-Риосеко сидели на скамейке во внутреннем дворике и усиленно обмахивались веерами. Завидев входящего Диего, они сложили вееры, поднялись и, придерживая складки платьев, присели в реверансе.

– Какое счастье видеть вас! – Диего приветливо улыбаясь, направился к дамам.

– Ваше высочество! – раздалось два подобострастных голоса.

– Дон Диего. Для вас, дон Диего!

Обе женщины буквально расцвели после этих слов. Диего попросил их сесть, а сам, несмотря на живейшее сопротивление, остался стоять на ногах. Беатрис с обожанием смотрела на Диего, в то время как герцогиня завела беседу о королевской чете. Герцогиня Медина-дель-Риосеко красочно описала свой визит в Вальядолид, в ходе которой она вместе с супругом удостоилась личной беседы с королевой Испании. Упоминая о личной беседе, герцогиня туманно намекнула на некие родственные связи. Диего прекрасно понимал и цель визита семейства Энрикесов, и намёки. Ровно как не мог не замечать слишком явные знаки внимания со стороны Беатрис. Он всё видел и всё понимал, но никоим образом не показывал этого. Изобразив умиленный вид, он кивал головой и поддакивал герцогине.

– Появились слухи, что ваше величество вознамерилось обвенчаться с Беатрис Лерма. Могу я узнать, насколько они правдивы?

Так я сам их и распускаю, – подумал Диего, с удовлетворением отмечая напряжение, с которым ждали его ответа. Слегка наклонившись к герцогине, он таинственно прошептал:

– Его величество требует этого брака. Я же, терпеть не могу герцога Лерму, ровно, как и его дочь!

Он едва не добавил: и вы мне тоже не нравитесь. Но сдержался. Дамы явно приободрились после его слов, но ненадолго.

– Но я не в состоянии противиться воле брата!

– Не стоит отчаиваться, ваше высочество, – заговорила герцогиня Медина-дель-Риосеко, подавая весьма отчётливые знаки дочери, – рядом с вами находятся преданные друзья. Они сделают всё возможное дабы избавить вас от нежелательного брака.

Герцогиня продолжала говорить, но Диего её не слушал. Его больше интересовала Беатрис. Судя по знакам, которые ей подавала герцогиня, и её собственному беспокойству, она искала повод для того чтобы уединиться с ним. Смелей же, – мысленно приободрил её Диего. – Я с удовольствием окажу тебе внимание. Ты только попроси.

– Я слышала, у вас есть чудесный сад? Не покажете мне его? – волнуясь, спросила Беатрис Энрикес.

– Чудесный? Отнюдь, сеньора. Там растут не больше дюжины деревьев. Нет даже лавочки, с которой можно любоваться на всю эту красоту. Я живу очень скромно, как и подобает человеку в моём положении, – Родриго указал руками на своё облачение. – Но, – добавил он, – если вы снизойдёте до моей скромной обители...я с радостью её покажу.

Для приличия, Беатрис дождалась кивка от матери и только после этого поднялась. Она собиралась взять Диего под руку, но он снова указал на своё одеяние, подчёркивая, что находится здесь для покаяния и ничего большего. Потом поклонился и показал рукой в сторону калитки, которая находилась в десяти шагах от них.

Они собирались выйти в сад, но провидение явно не благоволило очаровательной Беатрис. Внезапно появился королевский гонец. Он сообщил, что его величества прибыли в город и направились в Собор святого Иакова. Кроме всего прочего, гонец передал Диего письмо. Король извещал брата о некоем «подарке» и не двусмысленно намекал на послушание королевской воле.

– Не иначе как решил женить меня на дочери герцога Лерме, – подумал дон Диего. – По сути мысль прекрасная...если только внести в неё немного разнообразия.

Извинившись перед Энрикесами, Диего шепнул несколько слов Пемону, затем вышел из дома и быстро зашагал по каменистой улочке.

Вскоре сзади послышался цокот копыт и испуганный голос:

– Если вы это сделаете, мы не доживём до вечера. Вернее, я не доживу до вечера!

– Жизнь коротка, мой друг, – нравоучительно заметил Диего в ответ на эти слова.

Глава 5

– «Король! Король Испании!».

Путь паломникам преградили стражники. И причиной тому действительно являлся король Испании. Окружённый многочисленной свитой, королевой матерью Изабеллой, супругой – королевой Испании Маргаритой, в сопровождение герцога Лермы, главного инквизитора Хуана де Флорес, группы епископов и военных, король Испании покидал собор святого Иакова под звон колоколов. Вся площадь была запружена народом. Стражники оттесняли толпу, дабы королевская семья могла спокойно приблизиться к каретам, которые длинной чередой выстроились на другой стороне площади.

Появление короля Испании, народ принял без особого восторга. Тем не менее, король благосклонно кивал всем вокруг. Королевская процессия чинно и с подобающей величественностью собирались отбыть, но случилось нечто непредвиденное. Кто-то громко окликнул его величество по имени: «Филипп!» Крик прозвучал настолько громко, что король остановился. За ним остановилась и всё окружение. Пока король Испании выскивал вместе с окружением в толпе человека, осмелившегося обратиться к нему столь фамильярно, раздался новый крик:

– Подними голову Филипп, и ты узрешь небесную благодать!

Все, включая короля, его окружения и людей на площади, задрали голову кверху и с удивлением узрели ужасного горбуна. Горбун сидел на самом краю карниза, в ногах скульптуры святого Иакова, которая была сооружена прямо в центре, под шпилем Собора. В руках, горбун держал...деревянные счёты. Он ими всё время тряс, привлекая к ним внимание.

– Что ты там делаешь? – громко и откровенным с удивлением, спросил король.

– Казну твою пополняю! – раздался сверху еле слышимый голос горбуна. – Задача совсем нелёгкая, если принимать во внимание усердие герцога Лермы. Любимый и уважаемый всеми, герцог Лерма сумел продумать все способы пополнения твоих и своих сундуков. Вернее – своих и твоих сундуков. Но и у меня есть что предложить. К примеру, налог на еду. Если твои подданные едят чаще одного раза в день, они должны будут платить дополнительный налог, – горбун задрал счёты и начал считать, – ещё налог на жену. Хочешь жениться – плати. А если к тому же решишь возлечь с супругой, придётся доплатить...за удовольствие, поскольку удовольствия – это удел королей.

На площади начал раздаваться смех. Король нахмурился. Не следовало слушать этого горбуна, но он не мог уйти, не уронив собственного достоинства. Тем временем, снова раздался голос горбуна.

– Ещё стоит подумать налог на шкуру твоих подданных. Хотя о чём это я? Шкуру с твоих подданных уже содрал герцог Лерма. Придётся отбросить этот налог в сторону и подумать о других налогах, – горбун снова затряс счётами. – Как насчёт налога...на содержание твоих любовниц? К

примеру, Соланы Алмейда? Мы бы могли взимать по золотому в год для её содержания.

Королева Испании устремила гневный взгляд в сторону супруга.

– Это ложь. Это наглая ложь! – начал было оправдываться король, но в этот момент снова раздался голос горбуна.

– И ещё налог за твоё воздержание в отношении королевы Испании. Мы все должны молиться за такого благочестивого короля. Кто ещё с такой нежностью станет рассказывать собственной матушке, о нежелании возлечь с супругой. Да и как смеет королева принуждать ваше величество к столь богопротивным деяниям?! Вы правильно поступили рассказав своей матушке о неприличествующем поведении королевы.

Король Испании устремил хмурый взгляд в сторону матери. Она всем чем могла, показывала слово «нет».

– Кто распространяет обо мне эти гнусные слухи? – король сурово оглядел придворных. Все как один опускали глаза. Исключение составляла лишь королева Испании. Но её взгляд, сам король старательно избегал. А на площади всё чаще и чаще раздавался смех.

– Налог на жизнь! – радостно заорал сверху горбун. – Хочешь жить – плати. Ну и всякие мелочи, такие как пить воду и ходить в своём доме, тоже можно обложить налогом. Кстати, зачем ты пообещал герцогу Лерме руку своего бедного, больного брата Диего?

Король на время даже дар речи потерял.

– Да откуда он всё знает? – пробормотал он под нос и снова, на сей раз с подозрением оглядел всё окружение, включая супругу и королеву-мать.

– Филипп, ты совершаешь святотатство, собираясь женить его на дочери герцога Лермы. Твой брат уже женат. И этот брак освящён церковью. Диего просто боится твоего гнева, по этой причине и молчит. Я тебе даже могу сказать на ком он женат. Его супруга, Беатрис Байон из Наварры, весьма набожная...сеньора. Он женился на ней в прошлом году, когда отсутствовал целый месяц. Проклятье, – вырвалось у Горбуна. На крыше собора появились вооружённые стражники.

Не выпуская из рук счёты, горбун помчался по карнизу, рискуя каждое мгновение сорваться вниз. Потом спрыгнул на небольшую площадку и цепляясь за скульптуры полез на колокольню. Он двигался с таким проворством, что стражники сразу отстали. Ухватившись за перила балкона, горбун подтянулся и схватившись за край колокола, вкатился на площадку прямо к ногам звонаря. Тот с криком отскочил в сторону и прижался к стене. Горбун пересёк наискось колокольню, пролез через каменную арку и скатился вниз, на крышу. Он сразу же вскочил на ноги и со всей прыти устремился к дальней стороне крыши, где возвышалась скульптура. Вокруг скульптуру на уровне пояса был закреплён край верёвки. Достигнув скульптуры, горбун заглянул вниз и что было силы, закричал:

– Пемон! Где ты, чёрт бы тебя побрал!

– Здесь я, здесь! – раздался снизу знакомый голос.

Горбун снова заглянул вниз и увидел пожилого слугу, который вёл в поводу двух лошадей.

– Держи верёвку! – закричал горбун. Он стоял на краю крыши и с беспокойством поглядывал то в сторону колокольни, то в сторону скульптуры. Но вот верёвка натянулась. Горбун тут же ухватился за неё и заскользил вниз по стене собора. Спустя минуту, он уже взлетел в седло и пустил коня в галоп. Пемон помчался за ним следом. На их счастье, нигде поблизости не было заметно стражи. Они незамеченными выехали из города и сразу направились в сторону реки. Горбун нашёл укромное местечко среди деревьев, подальше от людских глаз. Здесь он спрыгнул с седла, бросил поводья на землю и начал быстро раздеваться.

Первым полетел на землю горб. За горбом последовала шевелюра. После шевелюры он взялся за щёки и отодрал их от лица.

– Чем это ты их намазал? – с раздражением спросил он у Пемона, который в это мгновение привязывал обе лошади к дереву.

Пемон набожно перекрестился.

– Да спасёт нас святой Иаков. Если король, ваш брат, узнает...

Избавившись от образа горбуна Сурдо, Диего расхохотался.

– А что мне ещё оставалось сделать? – смеясь, спросил он у Пемона. – Жениться на Беатрис Лерме? Ни за что. По мне так пусть грызутся с Энрикесами, а я поживу тихой семейно жизнью с третьей Беатрис. Ну и поскольку все, что было сказано до этого соответствует истине, он и в моём венчании не станет сомневаться. Вызовет и допросит со всем пристрастием. А мне останется только раскаяться в своих грехах. Диего снова расхохотался. Он был доволен и собой и своей выдумкой, которая, как ему казалось, стала наилучшим выходом из непростого положения.

– А кто такая Беатрис Байон? – осторожно спросил Пемон. – Ну та сеньора, на которой вы вроде как женились?

– Понятия не имею, – весело откликнулся Диего. – Какая-то старая ведьма из Наварры. Я случайно услышал разговор среди паломников. Если его величество решит призвать «мою супругу» ко двору, его ждёт весьма неприятный сюрприз.

Диего снова расхохотался. В целом, как считал сам Диего, затея удалась полностью. Единственно, он не придавал значения знанию французского языка. А ведь он им владел едва ли сносно, иначе бы понял, что французские паломники рассказывали о некой юной и прелестной особе, чьего внимания они пытались добиться, но не смогли из-за некой старой ведьмы, которая всюду её сопровождала.

Глава 6